

Взгляды Чэнь Цзэ и медоеда, полные недоверия, провожали Цзян Цаня, когда тот поднялся на борт.

Режиссер, игравший роль капитана, вручил ему медаль и, зачитывая текст по сценарию, произнес:

— О, юная принцесса, ты противостояла буре с непоколебимой стойкостью и бесстрашно смотрела в лицо трудностям. Ныне я дарю тебе эту славу морского бога, дабы ты вечно сражалась за тех, кто не в силах сражаться сам.

Цзян Цань принял награду и с самым серьезным видом ответил:

— Я буду.

Камера, следовавшая за ним, отвернулась. Режиссер похлопал Цзян Цаня по плечу, расплываясь в широкой улыбке:

— Парень, ты отлично справился! Знаешь, сколько человек сейчас в твоей прямой трансляции?

Цзян Цань предположил:

— Сотни три?

Двести тысяч за этап, шестьсот тысяч за три этапа. Триста тысяч — Пэй Юймо, триста тысяч — дедушке.

Цзян Цань отвлекся, мысленно пересчитывая барыши, как вдруг услышал восклицание режиссера:

— Там уже почти десять тысяч!

Эта цифра оказалась совершенно неожиданной.

Цзян Цань слегка смущенно потер нос:

— Неужели на меня смотрит столько людей?

Десять тысяч человек — это же целый баскетбольный стадион, наверное.

Даже когда он снимался в той слезливой мелодраме, общее количество просмотров на серию

едва дотягивало до нескольких тысяч. Цзян Цань никогда не видел такого ажиотажа и, вспомнив, как раздевался перед камерами и всячески обманывал людей...

Его лицо мгновенно залилось краской, да так сильно, что персонал поблизости невольно начал то и дело поглядывать на него.

Они ведь тоже следили за трансляцией все это время.

Изначально все думали, что победит Чэнь Цзэ, на счету которого было немало идольных драм, но никто не ожидал, что Цзян Цань, у которого вообще не было фанатской базы, станет такой темной лошадкой.

Впрочем... глядя на этого красивого и холодного юношу, нельзя было не признать, что его смущение выглядело невероятно подкупающе.

Цзян Цань недолго предавался застенчивости. Словно что-то вспомнив, он указал режиссеру на неподалеку стоявшего медоеда и что-то сказал.

Разговаривали они очень тихо, даже помощник режиссера не разобрал слов, но он увидел, как выражение лица режиссера изменилось, словно по мановению волшебной палочки: тот спрятал свою широкую улыбку, а в глазах промелькнули удивление и настороженность.

Словно разгадывая загадку, режиссер спросил:

— Тебе не нужно, чтобы кто-то пошел с тобой? Это не опасно?

Цзян Цань покачал головой:

— Возможно, я накручиваю себя. Просто схожу на остров, огляжусь.

Когда Чжоу Хэ и Цзоу Юэюэ подошли, они увидели, что Цзян Цань бежит в противоположную сторону.

Цзоу Юэюэ так проголодалась, что ноги стали ватными. В ее глазах, устремленных вперед, читалось сплошное негодование, но вдруг она просияла: впереди показалась знакомая фигура.

Всего в нескольких шагах от спасательного судна, но не поднимается на борт — явно ждет ее.

Цзоу Юэюэ ускорила шаг:

— А-Цзэ, ты... а-а-а!

Она в испуге отпрянула:

— Что это?!

Медоед, встав на задние лапы, оказался ей по колено. Он свирепо бросился вперед, обнажив белые зубы, и так напугал Цзоу Юэюэ, что та, не успев даже приблизиться, с визгом бросилась наутек.

Чэнь Цзэ горестно вздохнул. Его сердце разрывалось от желания зарыдать в голос.

Этот медоед, скорее всего, решил, что Цзян Цань приказал ему следить за ним и не выпускать. Стоило ему сделать шаг, как зверь тут же бросался кусаться.

Опустив голову, он увидел, что медоед, гордый тем, что перепугал человека, виляет коротким хвостом и возвращается обратно.

Чэнь Цзэ: «.....»

В безлюдном лесу под ногами хрустели ветки и трава.

Цзян Цань думал, что найти их будет сложно.

Но, вернувшись под дерево, он увидел трех оборванцев, похожих на нищих.

Один черпал воду из его бассейна, двое других, обхватив кокосы и остатки гребешков с крабами, жадно ели.

Их одежда была в лохмотьях, цвет уже невозможно было разобрать, волосы спутались, а ноги были покрыты слоем черной грязи.

Они столкнулись нос к носу.

Цзян Цань опешил и выпалил:

— Дикари?

Один из «дикарей», услышав это, тоже замер, затем начал тыкать пальцем себе в рот, издавая странные звуки: ула-ла, хе-хе, ха-ха.

Он даже вскинул руки, как горилла, обежал вокруг бассейна и принялся изо всех сил бить себя

в грудь.

Двое других, увидев это, тоже замахали руками, закричали и принялись топтать ногами, указывая на Цзян Цаня — мол, если что не так, они готовы сцепиться с чужаком.

Цзян Цань: «...»

Неужели настоящие дикари?

Он помнил, что съемочная группа шоу по выживанию однажды в Южной Африке или где-то еще встретила племя дикарей и из-за пары фруктов чуть не спровоцировала локальную войну.

Что ж, если такое случилось однажды, то почему бы не случиться и во второй раз?

Цзян Цань, изображая страх, попятился:

— Прошу прощения.

Осторожно развернулся и собрался уходить.

□□□□□□

□Умираю со смеху, спасай скорее Чэнь Цзэ, медоед же ему ногу грызет!□

□Опасно!□

□О боже, это что, пушка? Откуда у них пушка?□

Режиссерская группа не успела демонтировать оборудование, так что зрители трансляции и сами сотрудники видели всё в прямом эфире.

Люди на берегу похолодели от ужаса, глядя на экран монитора, но прежде чем они успели двинуться с места, произошло еще более захватывающее зрелище.

Цзян Цань сделал красивый и резкий подсекающий удар, сбив ближайшего к нему человека с ног.

Следом, опираясь ладонью о землю, он подпрыгнул и двумя точными ударами локтей уложил остальных.

Один из них потянулся к упавшему рядом оружию, но Цзян Цань вывернул ему запястье и ударил сверху — тот мгновенно обмяк, лишь издав вопль боли.

Пэй Сань и Пэй Сы, следовавшие за ним, воочию видели, как те люди доставали оружие из-за пазух, но не успели они вмешаться, как Цзян Цань уже связал всю троицу крепче, чем пеленают младенца.

Они вдруг вспомнили, как когда-то говорили Пэй Юймо, что Цзян Цаня можно усмирить, имея при себе пушку.

...Кажется, это не факт.

Лианы, служившие веревками, ловко порхали в его пальцах, и Цзян Цань завязал их красивым бантиком, брезгливо заметив:

— За дурака меня держите? Еще прикидываются дикарями. Откуда у дикарей электронные глазки?

Цзян Цань как раз об этом и говорил режиссеру: монитор на шее медоеда выглядел не новым, но был хорошо спрятан.

Группа ведь снимала не «В мире животных», с чего бы им вешать камеру на шею зверю?

К тому же медоед выглядел не как местный житель.

Эти когти, толстое брюшко — им не место на острове, их среда обитания — пустыни и тропические леса.

Сложив все факты воедино, он понял — это браконьеры, которые неясно как здесь застряли.

Так и вышло: вызвали полицию, и это действительно оказались браконьеры.

Банда из Южной Африки сбилась с курса и решила переждать на этом острове, рассчитывая быстро убраться.

Кто же знал, что съемочная группа прибудет раньше и расставит повсюду камеры?

Пришлось менять планы и ждать, пока шоу закончится и все уедут.

Но кто мог предположить, что шоу будут снимать без перерыва целую неделю?

Они были вынуждены играть в «выживание» вместе с участниками, боясь высунуться, вырыли под землей яму, чтобы прятаться, и выпускали только медоеда на разведку.

И кто мог знать, что найдется человек, который приручит медоеда и будет тискать его как домашнего питомца?

Случайности накладывались одна на другую, закон, как говорится, суров, но справедлив.

Это были преступники, объявленные в розыск, за поимку которых полагалась награда в двадцать тысяч юаней.

Полиция прибыла быстро. С помощью тепловизоров они тщательно обыскали территорию и под кучей веток обнаружили железные клетки с охраняемыми животными — фенеками и манулами.

Невероятный поворот событий привлек толпы любопытных, счетчик зрителей в углу экрана неумолимо рос, заставляя картинку виснуть.

Трансляция закончилась лишь тогда, когда Цзян Цань вышел из полицейского участка после дачи показаний. На этом шоу официально завершилось.

Пэй Юймо весь день был как на иголках.

Болезнь Линь Цзяна протекала тяжело, врачи настояли на госпитализации, и большую часть его работы взял на себя Пэй Юймо.

Днем, в беготне между объектами, он не чувствовал усталости, но ночью, сидя в машине, она навалилась, словно вьевшаяся в тело пыль — невидимая, неосязаемая, но медленно погребаящая под собой.

За окном мелькали огни. Машина остановилась у входа в Эдем. Пэй Юймо молча вышел и направился к темному дому.

Внутри никого не было.

Таково было требование Пэй Юймо: даже экономка и няня приходили только в строго отведенное время, выполняли свои обязанности и быстро уходили.

Пискнул электронный замок. Пэй Юймо переобулся в мягкие домашние тапочки.

Вспыхнул свет, но, возможно, это было лишь иллюзией — ему показалось, что все в доме по-

прежнему окутано холодной дымкой.

Яркие краски казались тусклыми, даже воздух был холодным.

Но эта странная мысль промелькнула лишь на мгновение и была отброшена.

Он потерял переносицу и медленно направился в гостиную.

Внезапно позади послышались шаги — легкие, неспешные.

Пэй Юймо подумал, что это госпожа Пэй. Он обернулся, и на языке уже вертелось слово «мама», как вдруг под ногами словно разверзлась пустота, и он оторвался от пола.

От неожиданности он инстинктивно потянулся к поясу за оружием, но тут же узнал знакомый запах и остановил руку.

Запах растений.

Растений, которые пробыли на солнце весь день, а ночью источали чистый, свежий аромат — запах геля для душа, которым пользовался Цзян Цань.

Впрочем, Пэй Юймо не нужно было вспоминать этот запах, ведь перед ним было сияющее лицо Цзян Цаня.

Цзян Цань прижался совсем близко.

Чужое тепло ощущалось как странный, согревающий ветерок.

Пэй Юймо смотрел в его яркие глаза, на миг потеряв дар речи.

Цзян Цань ничуть не изменился с момента отъезда, но, увидев его снова, Пэй Юймо не мог не удивиться: как взрослый человек может обладать такими чистыми глазами?

Он широко улыбался, обнажая зубы — яркий, живой, настоящий.

Последствием замешательства Пэй Юймо стало то, что Цзян Цань не просто поднял его на руки, но и закружил по комнате.

Цзян Цань, словно щенок хаски, радостно провозгласил на весь дом:

— Юймо, я вернулся!

И продолжал повторять:

— Я заработал кучу денег, всё отдам тебе.

Пэй Юймо не разобрал ни слова. Ощущение, что его вот так держат на руках, было слишком непривычным, настолько, что он весь напрягся.

— Поставь меня, — произнес Пэй Юймо.

Голос звучал по-прежнему мрачно, но в нем проскользнула легкость, которую он сам не заметил.

Цзян Цань не собирался его отпускать.

Честно говоря, он и сам не ожидал, что у него получится так легко поднять Пэй Юймо.

Цзян Цань, придерживая Пэй Юймо за талию, сделал еще один круг:

— Ты, наверное, очень скучал, да? Ты так похудел.

Пэй Юймо возразил:

— Я нет.

Непонятно, имел ли он в виду, что не скучал, или что не похудел.

Цзян Цань скривил губы:

— Еще как похудел, бедняжка. Я теперь могу поднять тебя одной рукой.

Сказав это, он действительно отпустил одну руку.

Пэй Юймо испугался и, забыв о недовольстве из-за прикосновений, вцепился в плечи Цзян Цаня. Сквозь ткань одежды он почувствовал, как жар разливается от ладоней.

— Поставь меня немедленно, — потребовал Пэй Юймо.

— Не хочу.

— Быстрее.

— Не буду.

Пэй Юймо потерял терпение:

— Цзян Цань!

...Раздался хлопок, Цзян Цань ойкнул, прикрыл свежую шишку на голове и тут же присмирел.

<http://bllate.org/book/21476/2197575>